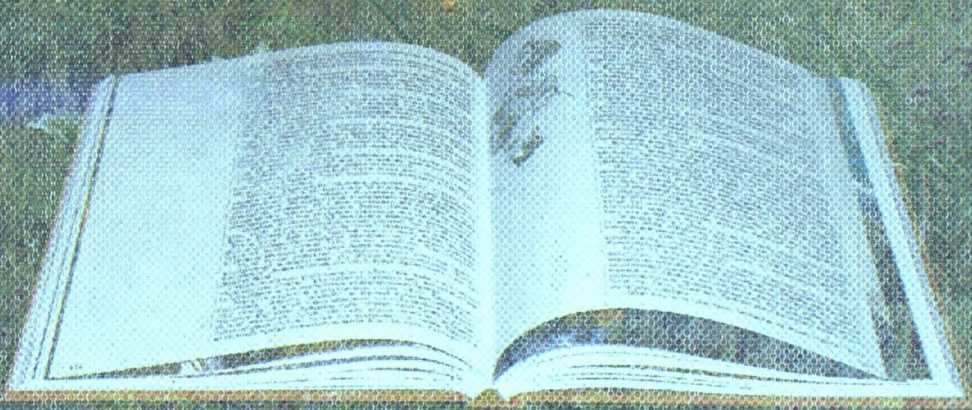

Көкейкесті әдебиеттану

Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті

Көкейкесті әдебиеттану

Актуальное литературоведение

1 кітап

Құрастырып, баспаға әзірлеген
ҚР ҰҒА корреспондент-мүшесі,
Мемлекеттік сыйлықтың лауреаты,
профессор ***Р.Н.Нұрғали***

Астана - 2001

Ғылыми жинақты басуға Л.Н.Гумилев атындағы
Еуразия ұлттық университеті
Ғылыми Кеңесі ұсынған

Рецензенттер: ҚР ҰҒА академигі, Мемлекеттік сыйлықтың лауреаты,
*З.А.Ахметов (М.О. Дуезов атындағы әдебиет және өнер
институты)*

филология ғылымдарының докторы, профессор
*Қ.Қ.Алпысбаев (Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық
университеті)*

Көкейкесті әдебиеттану. Актуальное литературоведение. /Құрастырып, баспаға
әзірлеген ҚР ҰҒА корреспондент-мүшесі, Мемлекеттік сыйлықтың лауреаты,
профессор Р.Н.Нұрғали - 1 кітап - Астана: «Фолиант», 2001. - 364 бет.

Бейбытова Кульнаш Дайрабаевна

Родилась в 1950 году. Окончила Целиноградский педагогический институт и аспирантуру Московского государственного педагогического института. Доктор филологических наук. Автор монографии и многих научных статей.

К.Д. Бейбытова

КАЗАХСКАЯ ПОЭЗИЯ XIX ВЕКА И ТВОРЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ АБАЯ

Акынская поэзия XIX века берет свое начало от древнего акынского творчества, синкретичного по своей природе и включавшего в себя знахарство, ведовство, танцы, музыку и стихи. Постепенно отпали разные функции (а ими в полной мере обладал отец акынов – Коркыт), акынами стали называть людей, импровизирующих музыку и стихи и обязательно прошедших поэтические состязания – айтыс. Без борьбы, состязания, айтыса не мог состояться акын, не могло стать известным его имя и творчество.

Поэтому акыны были известны, прежде всего, как акышы айтысов. И хотя айтысы существуют по сегодняшний день, но наряду с акынами айтысов, а зачастую эти самые, ставшие известными акыны и закладывали основу индивидуального личностного отражения действительности, нового акынского творчества.

С. Муканов, определяя особенности творчества акынов айтыса, утверждал, что наряду с участием в поэтических состязаниях они содействовали развитию других лирических жанров: «Айтысқа араласқан Шортанбай, Жапақ, Мұрат, Марабай, Сүйінбай сияқты акындардың айтыстан басқа өлеңдеріне карағанда, олар жалғыз айтыста ғана емес, сонымен қатар өз заманының барлық күнделікті тіршілігіне араласып, халықтың жақсылығын дәріптеуші, кемшілігін сынаушысы болғанын байқаймыз. Әр акында айтыстап басқа талай өлең-жырлар бар, оларды жинау, сыншылың, ой өлеңінен өткізіп, көркемдік-идеялық дәрежесі биік деңгейден табылатын

ная жизнь, субъективно-лирическая ее оценка. В жанровом отношении кроме сочтязательных песен (айтысов), есть стихи (өлең), а также жыр (сказания).

Акынская поэзия XIX века стала благодатной почвой зарождения и развития поэтического новаторства великого Абая. Впервые об этом сказал М.О. Ауэзов в 1925 году в книге для студентов и выдвинул перспективную идею более детального и глубокого изучения доабаяевской поэзии. Ученый предлагал объединить по сходным идеям, темам и мотивам творчество поэтов, создавших свои произведения в период безысходности и осознания необходимости идти под протекторат Российской империи. Все эти горестные чувства и мысли наиболее ярко отразил Шортанбай в своем произведении «Зар заман»; поэты, выразившие чувства скорби, утраты духовного единства и пытавшиеся найти новые ориентиры духовности в мусульманстве стали называться «Зар заман акындары».

Век великих битв за свободу закончился, поэзия Махамбета отразила один из последних периодов казахской истории, когда с оружием в руках отставались родные степи. Темы воинского подвига, батыра, высокой гражданственности уступают место тяжким раздумьям о судьбах родины и народа. Знаменитые акыны Шортанбай, Дулат (с которым впоследствии будет полемизировать Абай), а также Мурат, Ибрай Алтынсарин, Нарманбет составили то течение в казахской поэзии, которое именуется в современном литературоведении «зар заман ағыны» течение горестного времени. Диссертационное исследование К. Мадихаевой подтверждает идею М.Ауэзова о том, что это было новое течение в казахской поэзии: это новое поколение поэтов [7]. Поэт становится великим, если он созвучен времени, если он это время не только отражает, но и опережает. В истории казахской поэзии «зар заман акындары» ареной борьбы за свободу сделали мир идей и чувств.

Национальному угнетению, аннексии земель необходимо было что-то противопоставить. Этой новой идеей стала проблема духовного противостояния; оно использовало для этого и тоску по иным счастливым прошлым временам и мифическому единству казахов, и противопоставление конфессионального характера, и даже – лирику природы. Так в своем знаменитом стихотворении «Сары-Арқа» Нарманбет напишет:

*Сарыарқа сарқыраған суың қайда,
Түнде шың, күндіз мұнар, буың қайда,
Найзагай жарқ-жүрқ етіп нөсер құйған
Көк-жасыл кемпірқосақ туың қайда?*

(подстрочный перевод стихов наш Б.К.Т.)

Сары-Арка, где бурливые воды твои ?

Ночью явные, днем призрачные пары твои?

Ливнями и молниями пронесившееся радужное знамя где твоё?

Поэт выразил утрату бурливых вод, особой атмосферы покоя как следствие потери радужного знамени былых битв, пронесившихся ливнем и сверканьем молнии.

Творчество поэтических предшественников Абая, старших его современников оставалось неизученным на протяжении почти 70 лет по идеологическим мотивам: слишком контрастны были идеи возвеличивания русского начала в духовной жизни казахов тому неприятию чуждого и враждебного, что отразилось в поэзии Шортанбая и Дулата, объявленных националистами, поэтому запрещенных. Только в 90-ые годы казахское литературоведение обращается к этой проблеме, что отразилось в ряде работ С. Негимова, У. Кумисбаева, диссертационных исследованиях К. Маддибаевой, Ш. Жуматаевой [4], а также в «Истории казахской литературы» Х. Суюншалиева, [10] в которых уделяется большое внимание анализу доабаявской поэзии; рассматриваются поэтическое мастерство, открытие новых тем и проблем, языковые находки, а также ритмо-метрика. В научный оборот вводятся многие поэтические тексты, не обнаруженные и хранившиеся в государственных и частных архивах. Ученые проводят огромную текстологическую работу, связанную с особенностями устного бытования поэзии многих акынов, особенно начала XIX века. Но самое важное – эти работы дают научно аргументированный материал о *развитии истории поэзии*, долгое время причисляемой к фольклорному наследию на том только основании, что многие стихи и даже сказания поэтов передавались устно, некоторые поэтому имели и вариативность (кстати сказать, несущественную). Без открытий поэзии I половины XIX века не могло быть такого явления казахской литературы, как Абай.

Поэты доабаявской поры значительно расширили свой круг проблем, преодолев классицистическую привязанность жырау к темам хана, батыра, героического подвига, высокой трагической героике. Поэты – предшественники Абая совершили ту революцию, которую в русской лирике совершали Жуковский, Батюшков, Державин. Однако, несмотря на отдельные открытия, доабаявская поэзия не стала явлением цельным, ярким, несущим единство новых чувств, идей, образов. Именно эту сторону творчества своих старших собратьев по поэтическому ремеслу не принимал Абай.

Проблемы вечности, краткости жизни известны казахской поэзии издавна. Однако назвать философской лирикой ни творения жырау, ни стихи поэтов доабаявского времени нет оснований. В основе многих стихов –

фольклорных и авторских – лежат констатация фактов, яркое сравнение, тщательно выверенная афористичность. Примером этому могут послужить определения, данные поэтами каждому периоду жизни человека. Так еще в поэзии древних нашло отражение понимание детства как самой беспечной, сладкой поры человека, молодости – как лета, жаркой и страстной поры, а старости – как стужи и зимы.

В поэзии XIX века этот мотив повторяют и варьируют многие поэты: Мадели Жусипкожаулы в стихотворении «Басында катыра судан болдык найда» характеризует периоды жизни человека от рождения до смерти.

Особенно часто этот мотив мы встречаем у Шоже-акына в стихах «Он бестегі жасым - ай», «Бір жаста, екі жаста бесіктемін...», «Елу ердің жасы екен...», «Жиырма бес - көмелетке келген жасым».

Тема быстротечности жизни, три явных периода – детства, молодость и старость отражены и в стихотворении «Өмір» Будабая Кабылова.

Все эти произведения носят выраженный элегический характер: сожаление о быстротечной жизни, нежелание принять старость. Характеристики этих периодов разнятся только способом их лексического выражения даже у одного автора (Шал -- акына к примеру).

*Елу ердің жасы екен,
Алтыс – бір сұмдықтың басы екен
Жетпіс келеді төтелеп,
Көрілікті жетелеп...*

[9. 146]

(подстрочный перевод стихов наш Б.К.)

*Пятьдесят -- самый возраст мужчин,
Шестьдесят -- начало кошмара,
Прямым явилось семьдесят,
Ведя на поводу старость.*

Или

*Жиырма бес – көмелетке келген жасым,
Қырықта қынсыз болған басым,
Елуде екі көзің елң етер,
Алтыста ақсақалды шал боласың*

[9. 146]

(подстрочный перевод стихов наш Б.К.)

*Двадцать пять -- к зрелости пришедшие мои года,
В 40 лет -- голова моя обнажена,
В 50 лет -- оба глаза насторожены,
В 60 лет -- будешь белобородым стариком...*

В приведенном стихотворении Абай дает периоды человеческой жизни оценочно; произведение предстает перед читателем как вопрос о прожитой жизни. Не случайно, что и интонационно это чувство выражено вопросительными предложениями.

<i>Балалық өлді, білдің бе?</i>	<i>Детство умерло, знал ли ты?</i>
<i>Жігіттікке келдің бе?</i>	<i>Пришел ли к молодости?</i>
<i>Жігіттік өтті, көрдің бе?</i>	<i>Видал ли - молодость прошла?</i>
<i>Кәрілікке көндің бе?</i>	<i>А покорился ли старости?</i>

<i>Кім біледі, сен кәпір,</i>	<i>Кто знает, может ты неверный,</i>
<i>Баяндыдан сондің бе?</i>	<i>От праведного угас?</i>

<i>Баянсызға төндің бе?</i>	<i>Неверному угрожал?</i>
<i>Әлде, айналып, кім білр,</i>	<i>Иль может бесцельно, кто знает,</i>
<i>Боталы түіе секілді</i>	<i>Умер ты, не выходя из подворья,</i>
<i>Қорадап шықпай, өлдің бе?</i>	<i>Как дойная верблюдица?</i>

[1. 125]

(подстрочный перевод стихов наш Б.К.)

Никогда в казахской поэзии о детстве человека **не** было сказано, что оно умерло. Но, пожалуй, точнее так скажешь. От детства ничего не остается кроме воспоминаний, также как и от умершего. Меняется облик, мысли, поступки человека, стремящегося поскорее выйти из детства. Но и молодость **не** вечна, она – уходит, умирает. Казахское слово «**лытти**» имеет и значение ухода в иной мир. Словно предчувствуя порог смерти, человек пытается противостоять старости, но покоряется ей. Между детством и старостью проходит жизнь – бесцельная, низкая или возвышенно-прекрасная. Кто знает и знаешь ли это ты сам? В этом небольшом стихотворении не случайно и сослагательное наклонение. Кто может судить человека, его жизнь? Сколько трагического он переживает за короткий отрезок жизни, по самое трагичное – **не** ошибки жизни, а – бесцельность ее. Не определение отдельных жизненных отрезков важно для Абая, а чувство обеспокоенности тем, как прожита жизнь, тем, чтобы человек сам себе не создал неволи. О превалирующей роли человека в создании собственной судьбы говорят и глаголы, употребляемые поэтом в этом стихотворении – знал ли, пришел ли, видел ли, покорился ли, угас ли, угрожал ли, умер ли. Энергия стиха во многом зависит от глаголов, выражающих действия. Если сопоставить стихи Шал – акына и Абая, обнаружим интересную особенность: в произведениях классика много глаголов действия и движения, у Шал- акына – состояния лирического героя! Одна и та же тема находит

разное воплощение: почти неизменным от Бухара – жырау до Шал–акына доходит отражение чувства неизбежности конца жизни. Так Бухар–жырау дает картины молодости, зрелости, старости как состояние человека. неминусе для каждого и сравнимые только с хорошо известными ему предметами жизни.

*Жиырма деген жасыңыз
Ағып жатқан бұлақтай.
Отыз деген жасыңыз
Жарға ойнаған лақтай.
Қырық деген жасыңыз
Ерттеп қойған құр аттай
Елу деген жасыңыз
О да бір көшкен ел екен,
Алпыс деген жасыңыз
Қайғылы – муңлы кун екен.
Сексен деген жасыңыз
Қараңғы тұман тун екен,
Тоқсан деген жасыңыз
Ажалдан басқа жоқ екен*

*Бьющему роднику подобны
Ваши двадцать лет.
Игривому козленку подобны
Ваши тридцать лет.
Взнузданному коню подобны
Ваши сорок лет.
Кочующий народ-
Ваши пятьдесят лет.
Тоскливо-безрадостные дни
Ваши шестьдесят лет.
Туманная темная ночь
Ваши восемьдесят лет.
Кроме смертного часа ничего нет
В девяносто лет.*

[9. 91]

(подстрочный перевод стихов наш Б.К.)

Глубокая мудрость соседствует с чувством обреченности у поэтов- предшественников Абая; поэтому так важно было для них найти новое сравнение, новое уподобления временам жизни. Эти новые тропы как показатель художественного мастерства высоко ценились в народе. Абай внес совершенно новый взгляд на возраст человека: он утверждал не ценность годов и десятилетий, а то, что успел сделать человек за это время, свершился ли он или умер “қорадан шықпай” (не выходя из подворья). Эта новая для казахской лирики мысль о самостоятельности человека утверждала первенство деятельного начала, а не созерцательности многих лириков XIX века. В стихах, посвященных Абдрахману, эта идея является важнейшей и ведущей. Безмерна скорбь отца, потерявшего сына – надежду и опору не столько родных, сколько своего народа. Исследователи не раз отмечали, что поэтом использованы жанры похоронного обряда – жоктау и қоштау, где отражался жизненный путь человека, его достижения, подводился итог жизни. Однако содержание поминальных стихов шире обрядовых песен, не только скорбь и горечь, тоску и безнадежность выразил Абай в цикле стихов об Абдрахмане, но и мысль о том, что сын оставил после себя изумирающую славу (едмейтін аяқ қалдырды). Обращение поэта к

года дают человеку мудрость, звучит в его стихотворении “На смерть Абдрахмана”. Поэт говорит об особенной черте сына быть “молодым годами, старым - мыслями” (жасқа жас, ойға кәрі едің). Одно из самых сильных по эмоциональному звучанию и философскому пафосу стихотворение “Әбдрахман өліміне” выразило убеждение Абая, что жизнь можно считать прожитой не зря, если видел и познал многое /Ұзақ өмір не берер, көрген, білген болмаса/. По мнению поэта Абдрахман знал жизнь и видел в жизни побольше столетнего старца /Көргені мен білгені, Жүзге келген шалдан көп/, и короткая жизнь может быть значимой. Неумолимое стремление к познанию, высокие человеческие качества, думы о судьбе своего народа делают героя поэтического лирика новым героем будущей казахской литературы. Так возникает в поэзии Абая тема старого, которое он завершает, и мысль о новом, новых идеях, образах, воплощением которых стал образ Абдрахмана /Жаңа жылдың жасшысы – ол, Мен ескінін арты едім/. Он не успел показать новый путь всему народу, не успел ему послужить- это несвершившиеся надежды и чаяния выразил Абай в пронзительных строках:

*Жол көрсетіп сонда өлсең
Арманым бар дер ме едім ?*

Именно они много говорят не просто об отцовских чувствах, они утверждают высокую гражданственность. “Сказал бы я о горечи своей, если б умер ты, указав путь ?” такой риторический вопрос задают не столько отцы, сколько граждане и патриоты, знающие как нужен казахам человек, указующий путь, могущий повести за собой. Новаторство Абая состоит в поиске нового героя казахской литературы, и он его воплощает как в образе лирического героя, так и в образе Абдрахмана. Лирический герой поэзии классика своеобразно воспринимает как время, природу, так и человеческое общество. Проблема быстротекущего времени становится актуальной именно в эпоху Абая, в эпоху безвременья – потери независимости, государственности, земель, обычаев. Нет среди современников поэта выдающихся деятелей, воинов- предводителей, могущих повести за собой. Это повлекло за собой появление поэтов “горестного времени”, страдающих за судьбу народа, тоскующих по героическим временам, скорбящих и потерянных, уповающих на судьбу и Аллаха. Поэтому время воспринимается ими как прошедшая жизнь, настоящее - порицается и не идет ни в какое сравнение с прошлым, будущее – призрачно, неопределенно и туманно. Это понимание времени особенно ярко выражено у Шорганбая (мейір кетті пендеден ..., абырой кетті әкімнен ..., жалғыз күдай болмаса, енді үміт жоқ өзгеден). Эта же мысль отражена в стихотворении Дулата “Ақжайлау и Сандықтас...”, который считает свое время - време-

дившимся (азған замап) и не видит ни новых героев, ни перспективы в жизни народа. Абай тоже резко критичен по отношению к современникам, и их низким помыслам и делам, мелочности и продажности волостных, чиновников. Но в своем времени, как и в обществе, он видит новые силы, новых героев – это молодежь. Поэты – старшие современники Абая – не видели в новом поколении нового героя литературы, они считали молодых еще более негодными для свершения истории.

Лирический герой Абая не чужд отчаяния, тягостных дум, но он верит в будущее и хочет видеть его в делах и стремлениях молодых. Поэтому так часты его обращения к молодым современникам и к молодежи будущего. Так в творчестве совсем Абай мало внимания уделяет прошлому, оно не занимает такого глобального места в его поэтическом сознании как у “акынов горестного времени”, критичен к настоящему, думы и стремления поэта – в будущем. Таким образом, именно Абай приходит к осознанному историзму, что является методологической основой реалистического искусства.

Одним из главных достоинств поэзии всего XIX века стало расширение тематики. Не только великие ханы и батыры, замечательные люди стали героями лирики. Житейские проблемы обычного человека, его маленькие радости и горести становятся достойными поэтического пера. И это незаметно для своих слушателей сделали такие поэты, как Шал-акын, Котеш-акың, Акмолла и другие.

Все меньше становилось тех сторон жизни, которые бы не отразились в поэзии казахов, это расширение жизненного материала также способствовало развитию реалистического направления.

Поэзия родной природы – степей, гор, озер, рек – впервые представлена именно в XIX веке. Белинский заметил, анализируя лирику Пушкина, что он открыл поэтически русскую природу, считавшуюся недостатком стиха. Жуковский и Батюшков любили и воспевали туманную Германию и итальянские красоты; им в голову не приходило что русские зимы, поля, леса могут стать “очей очарованьем”. Казахские поэты не были столь холодны к родным просторам; но до XIX века поэзия природы просто не могла существовать, сознание еще не принимало ее как предмет поэзии. Это происходит тогда, когда человек начинает осознавать себя личностью, могущей по-своему интерпретировать время, историю, окружающий мир, общество.

Наряду с Шортанбаем впервые лирика природы прозвучала в творчестве Акмоллы. В стихотворениях “Весна”, “Лето”, “Осень” мир природы только соприкасается с миром человека, еще нет абаевского мастерского сочетания жизни природы и социальной жизни. Но блестящие находки Акмоллы сделали бы честь любому современному поэту:

*Жан рахатқа тамылжыған айнала,
Сулар ағып гүрілдейді сай-сала.
Аягандай аяғыңмен басуға
Кесте кілем төсегендей айнала*

[9,347]

Эта замечательная традиция, у истоков которой стояли большие и малые поэты XIX века, продолжилась не только в лирике Абая, но приобрела особое философское звучание в поэзии Шакарима. Абай же наряду со знаменитым циклом о временах года выразил еще такую крамольную мысль: “Өлсе өлер табиғат, адам өлмес...”. Стихотворение, начинающееся этими словами прямо противоположно мысли о том, что природа – вечна, а человека век недолог.

Природа прекрасна в восприятии человека и она живет как эстетический объект, пока есть кому воспринимать и любоваться ею. Природа может исчерпать себя, человек – неисчерпаем, он остается в памяти, в делах, в стихах. Мысль о нетленности человека выразил великий поэт в своих стихах:

*Өлді деуге сия ма, ойлаңдаршы,
Өлмейтүғын артына соз қалдырған?*

(подстрочный перевод стихов наш Б.К.)

*Разве умер тот, подумайте,
Кто оставил после себя неумирающее слово.*

Природа в творчестве казахских поэтов на протяжении не только одного XIX века предстала в развитии и в разнообразных видоизменениях – как тема родных и любимых мест, как вечная тема умирания и воскрешения, как арена счастья и горя человека, как аккомпанемент вечно юному чувству любви, радости и трагедий. От описания природы до психологической роли пейзажа в движениях человеческой души – вот путь темы природы в казахской литературе. И наше сегодняшнее национальное восприятие родной природы формировалась прежде всего под влиянием абаевской лирики, потому что лишь с недавнего времени стали доступны стихи многих его предшественников.

Наряду с проблемами времени, природы, поэты XIX века принесли в литературу тему религии, бога. Нельзя сказать, чтобы Тенгри, куда-то упоминались в лирике древних. Но в XIX веке сознание многих поэтов было катастрофичным: в их восприятии мир казахов рушился и последней духовной опорой стал Аллах, стало своеобразно ими понимаемое

было катастрофичным: в их восприятии мир казахов рушился и последней духовной опорой стал Аллах, стало своеобразно ими понимаемое мусульманство. Проблема эта была не только духовного, но и политического характера. Шортанбай, как и другие поэты горестного времени, создают из имени бога политический символ. Они противопоставляют веру угнетателей своей вере, придавая одной конфессии черты праведности, а другой – отказывая в этом. Религиозное противостояние не развилось, не состоялось на казахской земле по многим причинам; но ясно одно – оно становилось оружием борьбы против угнетения, показателем внутреннего неприятия новых форм жизни, которые несли чужаки. Не случайно эти идеи вновь смогли воскреснуть в лирике М. Дулатова, своеобразно откликнуться в поэзии М. Жумабаева. Религия призывается в помощники политике и сегодня, хотя проблема эта родилась давно, в период войн крестоносцев и крестовых походов.

Абай не принял кощунственного смещения вопросов религии с политикой; он вывел тему бога и мусульманства в область духовного развития человека. Не случайно народ назвал своего поэта Хаким Абай: он не принимал обрядности религии, он искал и находил в ней глубокий философский смысл. Мусульманство почиталось им как дорога к познанию бога, к познанию истины. Именно эта сторона абаевского понимания мусульманской религии была проанализирована в книгах А. Машанова, Г. Есимова, М. Мырзахметова, Ж. Исмагулова. Высокий этический пафос абаевских стихов “Когда баран войдет в ручей...”, “Просто вымолвить “Аллах...” и многих других породил этико-философскую лирику Шакарима, продолжившего и развивавшего идею самоусовершенствования человека, поиска знаний, воспринимавшуюся как ступени истинного мусульманства. Невежественный, неразвитый человек не может быть мусульманином, в поэзии Абая и Шакарима впервые прозвучала проблема веротерпимости. Это было новым словом в лирике казахов, отражением зарождающегося нового сознания того, что мир один и бог один тоже.

Тема женщины, как и тема ценности домашнего очага, родной семьи тоже впервые прозвучала в лирике XIX века. До этого времени героическая лирика поэтов-жырау воспевала подвиги, вспоминая о сыновьях как наследниках славы. Изредка возникал образ матери наряду с образом далекой родины. Образ жены, спутницы жизни отражен уже в творчестве Котеш-акына, Шал-акына, но до конца века никто из поэтов не посмел говорить о любви к женщине. Стихи почти всех поэтов доабаевского времени следуют фольклорной традиции поучения невесте; никого не интересует ее внутренний мир, только перечисляются ее обязанности перед отцом, мужем, семьей. Женщина часто выступает как атрибут жизни, поэтому для ее оценки есть только два слова – хорошая и плохая. Хорошая

бережливая, покладистая, работающая; плохая – нєряха, сплетница, недомовитая. Так пишет Шал-акын в начале XIX века в стихотворениях “Әйел туралы” (О женщине), “Бақытына кез болды долы қатын” (На счастье тебе встретила баба сварливая). “Қыздар туралы” (О девушках). И хотя многие акыны встречали на жизненном и творческом пути нєрдинарных женщин, являющихся воплощением талантливости, но ни один из поэтов не стал воспевать свою боль и муку любви, свои сомнения и страхи, ревность и обиды. Для казаха начала XIX века тема отношения к женщине еще не стала ни этической, ни эстетической проблемой. Чтобы такие проблемы встали перед обществом, необходимо развитие в самих отношениях: чтобы мужчина осознавал ценность женщины как основы семейной жизни, как члена общества, как человека, имеющего свое достоинство, честь, как явление загадочное, прекрасное, достойное восхищения. Причем, такие чувства по отношению к героиням лиро-эпоса и дастанов были естественны, что отразилось в той трогательной заботе, когда акыны передавали их из поколения в поколение. Однако к спутницам жизни, подругам и возлюбленным такого поэтического чувства акыны не выражали.

Любовная лирика стала открытием Абая, хотя его предшественники и современники – серэ – очень много внесли в разработку тематики. От поэтического откровения любви, до показа нянящего чувства открытой страсти – в этом весь спектр любовной лирики классика непревзойденной казахской поэзией и сегодня. Отражение чувства любви есть и осознание еще одной ипостаси человека, мужчины, поэта, и осознание женщины предметом поэзии. Чувство любви великий Абай считал важнейшим, потому что оно движет человеком, оно означает познание другого человека, познание истины и бога, познание природы. И как считает современная философия (Льюис “О любви”) проблема любви мужчины и женщины, родителей и детей – это одна из низших форм любви; наиболее развитой и возвышенной формой любви является любовь к природе, богу, истине. Именно о многогранности этого чувства у Абая пишет известный абасвед профессор Ж. Исмагулов [5, 145-156].

Казахская лирика со времен Абая может называться многожанровой, потому что предшественники, используя, в основном, фольклорные жанры арнау (посвящения), терме (собранное), толғау (лирико-философское размышление), не подвергали их существенному изменению. Декларативность и назидательность превалировали над лирическим чувством. Особый пафос казахская лирика приобрела только в творчестве Абая, когда лирический герой стал выражать свои человеческие чувства: гнева, надежды, любви, ненависти, сожаления, восторга... Именно чувства и их выражение стали основой поэзии и поэтических жанров. В гражданственной, эстетической лирике Абая напряженно пульсирует и развивается

развивать и мысль, и чувство. Предшественники Абая не осознавали, что их субъективные чувства должны составлять важнейшую часть произведения. Они талантливо, красноречиво передавали картину природы, национальные нравы, понимание времени и быстротечности жизни, *не включая своего отношения, своего субъективизма*. Темы поэтические существуют тысячелетия, столько же существует поэзия, потому что она есть каждый раз новое, индивидуально-субъективное восприятие и отражение вечного в жизни. Как только человек начинает осознавать себя личностью, тогда и начинается осознание мира, и желание по-новому его показать.

Многие исследователи отмечают тематическое многообразие лирики Абая; присоединяясь к этому, отметим, что поэзия классика имеет тенденцию к циклизации. Циклом стихов мы можем считать несколько стихотворений, объединенных одним герцем, образом, мотивом – это во-первых. Во-вторых, оно должно быть объединено с господствующим пафосом (чувством), и, в-третьих, создано приблизительно в одно время. Среди стихов наиболее ярко выраженным циклом являются стихи на смерть Абдрахмана (8 стихотворений). лирический герой выражает не только чувства, но веру в то, что появился новый герой. стихи созданы в короткий промежуток времени – несколько месяцев. По той же причине циклом могут являться и стихи, посвященные Оспану.

Самым ярким циклом стихов Абая является лирика природы – «Весна», «Лето», «Зима», «Ноябрь, преддверие зимы», имеющим общий предмет, включающий в себя и социальную жизнь; объединенных чувством сопричастности лирического героя как всемирным, так и сугубо житейским проблемам, и созданным в течение небольшого отрезка времени. Анализируя стихи Абая о поэзии, китайский исследователь Кабай [6, 15-19] выделяет лирического героя, осознающего, что он – новый поэт; главный пафос – это борьба со старой поэзией и утверждение новых эстетических норм, стихи созданы в зрелый период творчества. Эти выводы являются возможностью говорить еще об одном поэтическом цикле классика.

Циклизация лирики – первая ступень к эпическому освоению действительности. Явные и неявные циклы говорят о несознаваемой поэтами тяготении к новым объективным видам – лирической и лирико-эпической поэме. Абай успел написать только две лирические поэмы, поэтические наследники классика, подхватили эстафету и создали в казахской поэзии шедевры жанра.

Развитие старых жанровых форм, зарождение новых – это путь развития любой национальной литературы. Многообразие жанровых форм лирики особенно ярко в казахской литературе, веками существовавшей в одном роде – лирике. Творчество Абая являет собой переходный этап

эпизации лирики, основанной на открытии новых и развитии старых тем, предметов и способов поэзии, а также циклизации отдельных лирических произведений.

Список литературы

1. Абай. Шығармалар. – Алматы, 1994.
2. Ауэзов М. История литературы (на каз. яз.). – Алма-Ата, 1991.
3. Базарбасв М. Казахская поэзия: художественные искания. – Алматы, 1995.
4. Жуматаева Ш. Дулат Бабатайұлының тәлім-тәрбиелік идеялары. – Алматы, 1996.
5. Смагулов Ж. Поэтические уроки Абая (на каз. яз.). – Алматы, 1994. – С.145-146.
6. Кабай. Стихи Абая о поэзии (на каз. яз.) // Абай. 1993. №6.
7. Мадibaева К. Зар заман ағымы және Шортанбай мұрасы. Алматы, 1995.
8. Мұқанов С. Айтыстар туралы // Айтыс.Т. – Алматы, 1998 .
9. Поэты пяти веков. Антология казахской поэзии XV-начала XX вв. (на каз. яз.). – Алматы, 1991.
10. Суюншалиев Х. История казахской литературы (на каз. яз.). – Алматы, 1997.

FOLIANT
